

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

НОВЫЕ ИМПЕРАТОРСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ ХЕРСОНА

(к вопросу о малых печатях византийских императоров)

Печати византийских императоров достаточно хорошо известны в научном мире. Отдельные из них представлены даже в золотом (хрисовулы) или серебряном (аргировулы) вариантах. Повсеместно основную массу императорских печатей представляют свинцовые (моливдовулы), которые использовались для традиционной корреспонденции, а хрисовулы и аргировулы лишь в редких случаях сопровождали важные политические документы и жалованные грамоты. На Херсонеском городище моливдовулы византийских императоров представляют достаточно компактную группу памятников, в большинстве своем относящуюся к VI-VII вв., хотя присутствуют и немногочисленные экземпляры более позднего времени. До недавнего времени их было известно всего 9 экземпляров [1, с. 121; 2, с. 204-205]. Не так давно нам удалось ввести в оборот еще 12 печатей, также в большинстве своем относящихся к ранневизантийскому времени [3, с. 158-160; 4, с. 145-148].

Последние находки вполне вписываются хронологическую схему ранее изданных, и даже в некоторой степени расширяют ее границы, дополняя новыми данными.

В научном мире известны десятки булл византийских императоров, происходящих из самых различных уголков обширного византийского мира. В тот или иной период их внешний вид менялся в зависимости от веяний времени или личных пристрастий августейшей особы. Появление в последнее время нескольких моливдовулов, в известной мере отличающихся от традиционных сфрагистических типов, принятых тем или иным византийским императором, свидетельствует, что и здесь, видимо, существовали определенные различия и в использовании, и в назначении того или иного типа печатей. Это в свою очередь позволило Е.В. Степановой высказать предположение о существовании больших и малых (личных) императорских печатей в период VII-VIII вв. [5, с. 83-94]. Причем исследовательница подчеркивает характерную особенность последних - подобие византийским золотым монетам, поддерживая мысль, высказанную в свое время еще Н.П. Лихачевым [6, с. 34, прим 3]. Вслед за этой публикацией в поле нашего зрения попала новая находка аналогичной печати еще одного императора - Юстиниана I [7, с. 263-264]. И хотя она практически не отличается от традиционных моливдовулов Юстиниана I по диаметру, ее сфрагистический тип существенно отличается

от традиционных печатей этого императора [См., например: 8, с. 22-24, №№ 7-14; 9, с. 58-61, пр. 6-7] и полностью копирует монетный тип византийского солида первой половины VI в. столичной чеканки [10, с. 113, пр. 8, pl. 14, 8].

1. Частная коллекция А.Н. Коршенко (Москва).

D – ок. 20 мм; толщина заготовки – 1,5 мм.

Потерта. На оборотной стороне внизу по каналу разрыв поверхности печати, частично повредившей легенду.

Случайная находка в Херсонесе.

Не издана.

Аналогий нет.

Аверс. Погрудное изображение императора Юстиниана анфас, одетого в кирасу, шлем и диадему с подвесками, держащего в правой руке державу, увенчанную крестом, а в левой - щит. По кругу надпись: [t xI]VSTI[xI AxVSR]AVS – [D(ominus) n(oster) J]usti[nianus p(er)p(etus)] Aug(ustus).

Реверс. Фигура крылатой богини Ники, обращенная влево, держащей длинный крест в правой руке и сферу - в левой. В поле справа звездочка. По кругу плохо читаемая латинская надпись: [VISTOrI A]AVSSS - [Victoria] Aug(ustorum). В обресе внизу - надпись: [SOx]Ov – Con(stantinopolis) ob(ryzum).

Четко прослеживаемый сквозной канал для продевания шнура, вне всякого сомнения, определяет в ней императорскую печать, а не некую коммеморативную тессеру, копирующую золотую константинопольскую монету.

Полное подобие нашего экземпляра юстиниановским солидам на наш взгляд предполагает его возможное отнесение как раз таки к «малым» императорским буллам. Безусловно, определение рассматриваемого моливдовула как малой печати Юстиниана в известной мере расширит границы бытования этого вида моливдовулов, предложенные Е.В. Степановой (эпоха иконоборчества!) [5, 1999, с. 88, 93-94], что в свою очередь позволит сделать вывод о вполне традиционном положении дел в византийском делопроизводстве, т. е. использование монетных типов византийской сфрагстикой было делом обычным и практически изначально могло использоваться на практике. В этой связи заимствование монетного типа, а также значительное сходство нашей находки с некоторыми печатями и пломбами предшественников Юстиниана позволяет нам высказать еще одно предположение.

Не исключено, что монетный тип рассматриваемого моливдовула может предполагать и его более раннюю датировку в сравнении с остальными печатями Юстиниана I. Вероятно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что император в начале своего

царствования мог использовать для личной печати матрицы солида (мысль ранее уже высказанная Е.В. Степановой [5, 1999, с. 88]), а уже затем для его официальной государственной печати был выработан специальный сфрагистический тип. Или же использование нумизматического типа для императорской свинцовой сфрагистики могло отражать взаимосвязь последней с практикой внедрения в византийскую практику хрисовулов – золотых печатей. Безусловно, здесь вопросов больше чем ответов и со многими еще предстоит разбираться в будущем.

Все эти вопросы в равной степени можно отнести и к нашему следующему моливдовулу, несмотря на то, что его датировка отстоит от предшествующего на целых пять столетий. При этом заметим, что в отличие от ранневизантийской эпохи для периода Македонской династии и последующих веков как раз таки применительно употребление терминов именно «малая» и «большая» печать. Как правило, официальные императорские печати этого времени совершенно не напоминают имперскую монетную чеканку и имеют гораздо более крупные размеры (от 28-30 до 40 мм).

2. М-234. Частная коллекция И. Горшкова (Москва).

D – ок. 21 мм; толщина пластинки - 2 мм

Случайная находка в Херсонесе.

Сохранность удовлетворительная.

Не издана.

Аналогий нет.

Аверс. Погрудное изображение Христа, анфас в «крещатом» нимбе, держащего в левой руке Евангелие. По сторонам титлы: ⲓ - Ⲛ - Ⲓ(ⲏⲥⲟⲩ)ϥ Χ(ⲣⲓⲪⲟ)ϥ.

Реверс. Поясное изображение императора анфас, одетого в дивитисий, лор и диадему с подвесками, держащего в правой руке державу, увенчанную крестом, а в правой – лабарум (или длинный крест?). По кругу остатки греческой надписи:ΟΔΒΚΑ -ὁ Δοῦκα(ς) .

Анализ изображений и данных эпиграфики позволяет отнести данную печать к памятникам XI столетия. Причем характер изображений и содержание сохранившейся части легенды не оставляет сомнений, что перед нами императорский моливдовул одного из представителей династии Дуков.

Среди византийских императоров этого периода лишь два принадлежат к роду Дуков - Константин X (1059-1067) и Михаил VII (1071-1078). Однако оба имеют иные сфрагистические типы для своих моливдовулов [8, с. 68-72, 75-78, №№ 121-127, 137-144; 9, с. 92-96, 99-100, nos. 21-22, 25; 11, с. 36-37, nr. 1.1.7; 12, p. 56-57, nr. 111].

В то же время близкие аналогии нашему экземпляру мы находим в золотой императорской чеканке середины – второй половины XI столетия. Очень похожие изображения имеют «скифатные» гистаменоны императоров Михаила IV (1034-1041), Константина IX (1042-1055), Никифора III (1078-1081) и некоторых других императоров. [13, pl. 51-52, nos. 908, 914, 927]. Однако на них тип Христа Пантократора как правило сопровождается круговой легендой «Эммануил». Заметим, что эта легенда также присутствует и на известных печатях Константина X Дуки [8, с. 68-72, № 121-127], а на моливдовулах Михаила ее нет т.к. используется иной сфрагистический тип – Христос на троне [8, с. 75-78, № 137-144]. Однако заметим, что наш моливдовул полностью соответствует одному из типов (Class Pd) гистаменонов Михаила VII [13, pl. 52, nr. 926].

Сопоставляя данные нумизматики и сфрагистики мы пришли к заключению, что перед нами все-таки печать Михаила VII Дуки, старшего сына и соправителя Константина X. На ней также как и на предыдущем экземпляре прослеживается сквозной канал для продевания шнура, что заставляет видеть в нашем памятнике именно печать, а не некий памятный жетон.

Напомним, что Н.П. Лихачев и Е.В. Степанова высказывали мнение, что аналогичные рассматриваемым нами моливдовулы могли выполнять роль малых личных печатей императоров, каждый раз имевших чрезвычайный характер, когда в качестве матриц использовались штемпели монет [6, с. 530, прим. 3; 5, с. 83]. В этой связи приведем еще одно наблюдение, которое на наш взгляд, возможно, может пролить свет на суть проблемы. Не исключено, что так называемые «малые» печати являлись своеобразными «суррогатами» императорских хрисовулов. Если сравнивать последние (несмотря на их незначительное число) с данными нумизматики, то сразу же бросается в глаза их явное подобие [14, p. 75, 84-87, nos. 83, 94 96-97; 8, с. 62, № 105]. Причем в нашем последнем случае следует отметить, что в коллекции Г. Закося известен хрисовул Михаила VII (D - 19 mm) практически полностью соответствующих нашему экземпляру [Ср.: 14, p. 84-85, nr. 94]. На наш взгляд «малая» свинцовая печать, копируя тип хрисовула, вне всякого сомнения должна являться также государственной, а не личной печатью императора, и определенно принадлежать к предметам специального назначения. Безусловно, трудно определить сферу ее применения, т.к. источники об этом умалчивают. Но очевидно бесспорно то что, как и хрисовулы они, скорее всего, должны были прикрепляться к корреспонденции, носившей чрезвычайный характер. Однако, степень важности последней могла в известной мере уступать такому типу документов как межгосударственные договора, верительные или жалованные грамоты и т.п. Этим скорее

всего может объясняться и их достаточная редкость, и использование для опечатывания простого металла – свинца.

Таким образом, к какой бы точке зрения в этом вопросе мы бы не пришли наличие среди памятников императорской сфрагистики рассмотренных выше моливдовулов, очевидно, заставляет видеть в этом реальный факт существования в византийской бюрократической практике двух типов свинцовых императорских печатей.

Не ставя под сомнение факт, что любая императорская корреспонденция всегда являла собой важные государственные документы, очевидно в отдельных случаях могли иметь место и какие-либо послания специального назначения (возможно даже частного характера), для которых и существовала особая печать, копировавшая тип либо хрисовула, либо официальной золотой монетной эмиссии, хорошо известной широкому кругу населения империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. - 1939. - № 1.
2. Соколова И.В. Византийские печати VI-первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ 52. – 1991.
3. Алексеенко Н.А. Моливдовул Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. - Симферополь, 1995.
4. Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997-1998. - Харьков, 1999.
5. Степанова Е.В. Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ 30. - Екатеринбург, 1999, с. 83-94.
6. Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. – М., 1911 (отдельный оттиск из Нумизматического сборника, т.1).
7. Алексеенко Н.А. Монетный тип на печати Юстиниана I // VIII Всероссийская нумизматическая конференция в Ярославле. Тезисы докладов и сообщений. - Москва, 2000.
8. Соколова И.В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции. - Санкт-Петербург, 2007.
9. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 1978. 1. Teil: Kaizerhof.
10. Hahn W. Money of the Incipient Byzantine Empire. – Wien, 2000.
11. Seibt W., Zarnitz M.L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. – Wien, 1997.
12. Jordanov I., Zhekova Zh. Catalogue of Medieval Seals at The Regional Historical Museum of Shumen. – Shumen, 2007.

13. Grierson Ph. Byzantine coins. - London, 1984.

14. Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972. Vol. 1.

N. Alekseienko

НОВЫЕ ИМПЕРАТОРСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ ХЕРСОНА

(к вопросу о малых печатях византийских императоров)

Summary

На Херсонесском городище моливдовулы византийских императоров представляют достаточно компактную группу памятников, в большинстве своем относящуюся к VI-VII вв., хотя присутствуют и немногочисленные экземпляры более позднего времени. Две последние находки вполне вписываются хронологическую схему ранее изданных, и в некоторой степени расширяют ее границы, дополняя новыми данными.

Первая печать Юстиниана I существенно отличается от его традиционных печатей и полностью копирует монетный тип византийского солида первой половины VI в. столичной чеканки.

Второй моливдовул по характеру изображений и содержанию сохранившейся части легенды представляет нам одного из представителей династии Дуков. Близкие аналогии ему мы находим в золотой императорской чеканке второй половины XI столетия, и он полностью соответствует одному из типов (Class II_d) гистаменонов Михаила VII [Grierson, 1984, pl. 52, nr. 926].

Мнение Н.П. Лихачева [Лихачев, 1911, с. 530, прим. 3] и Е.В. Степановой [Степанова, 1999, с. 83], что аналогичные рассматриваемым нами моливдовулы могли выполнять роль малых личных печатей императоров, каждый раз имевших чрезвычайный характер, когда в качестве матриц использовались штемпели монет на последних примерах находит полное подтверждение справедливости ранее высказанных мнений.

В то же время не исключено, что так называемые «малые» печати являлись своеобразными «суррогатами» императорских хрисовулов и должны были прикрепляться к корреспонденции, имевшей специальное назначение. Этим, скорее всего, может объясняться и их недостаточная редкость, и использование для опечатывания простого металла – свинца.

Наличие среди памятников императорской сфрагистики рассмотренных выше моливдовулов, заставляет видеть в этом реальный факт существования в византийской бюрократической практике двух типов свинцовых императорских печатей. Не ставя под

сомнение факт, что любая императорская корреспонденция всегда являла собой важные государственные документы, очевидно в отдельных случаях могли иметь место и какие-либо послания специального назначения (возможно даже частного характера), для которых и существовала особая печать, копировавшая тип либо хрисовула, либо официальной золотой монетной эмиссии, хорошо известной широкому кругу населения империи.